

С.Ф. Штерн

**В огне гражданской войны:
воспоминания, впечатления,
МЫСЛИ**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
С11

С11 **С.Ф. Штерн**
В огне гражданской войны: воспоминания, впечатления, мысли / С.Ф. Штерн –
М.: Книга по Требованию, 2022. – 197 с.

ISBN 978-5-517-97575-1

ISBN 978-5-517-97575-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ствія, съ его давнишнимъ уклономъ въ сторону мелкой собственности, съ его разнообразіемъ этнографическаго состава иначе оказываетъ сопротивленіе коммунизму, иначе на него реагировалъ, чѣмъ сѣверъ.

Роль провинціи въ исторіи революціи и гражданской войны, различіе роли отдѣльныхъ провинціальныхъ центровъ въ борьбѣ съ большевизмомъ, отраженіе на периферіи центральныхъ политическихъ событій—должна дать богатый матеріалъ для сужденій и наблюденій. Автору этихъ строкъ представлялась имѣющей нѣкоторое значеніе попытка дать сильное, не претендующее на полноту, лишенное исчерпывающей документальности изложеніе того, что ему пришлось видѣть, наблюдать, пережить въ одномъ изъ крупныхъ пунктовъ Новороссіи. Представляется интереснымъ попутно постараться выяснить и то, какъ отражались, преломлялись и воспринимались въ провинціи и провинціей наиболѣе крупныя и существенныя событія всероссійскаго масштаба, происходившія въ столицахъ, а также — какъ расцѣпывались «во глубинѣ Россіи» отдѣльные дѣятели, главаря и вожди, ихъ поступки и линія поведенія.

Къ этого рода воспоминаніямъ прибавлены и кое-какія впечатлѣнія изъ бѣженской жизни, причемъ пункты наблюденій— Константинополь и Парижъ — если и были центрами бѣженства, то самъ наблюдатель все время стоялъ внѣ руководящихъ эмигрантскихъ сферъ, въ качествѣ одного изъ зрителей «со стороны». Неоспариваемымъ несовершенствомъ предлагаемыхъ воспоминаній и наблюденій является ихъ недостаточная документальность, отсутствіе ссылокъ на опредѣленные матеріалы или документы, но неведеніе личныхъ записей и невозможность использованія хотя бы исторической хроникъ событій, нашедшихъ себѣ болѣе или менѣе полное отраженіе въ мѣстной провинціальной печати, объясняется отдаленностью автора отъ мѣста дѣйствія, имъ описываемаго и стонущаго подъ игомъ большевиковъ. Намѣреніе сильно обрисовать не только факторы внѣшняго характера, но и сдвиги психологіи и идеологіи, заставили пересыпать фактическое изложеніе и аргументацію публицистическими разсужденіями общаго и, порою, нѣсколько субъективнаго свойства, — приемъ, быть можетъ, даже не вполне допустимый для работы полу-мемуарнаго характера. Въ редакторскомъ кабинетѣ областной газеты, во время объѣздовъ края съ цѣлями политической агитаціи, въ залѣ городской думы, въ общеніи съ различными дѣятелями и группами Россіи и эмиграціи — накоплялся матеріалъ для этихъ воспоминаній, отражались въ памяти данныя для этихъ мыслей и выводовъ изъ наблюденій и впечатлѣній.

II

Истоки.

Безмѣрно жестоки испытанія, выпавшія на долю русскихъ людей. Нѣтъ семьи, нѣтъ отдѣльнаго россиянина, у которыхъ не было разбито существованіе, которымъ не былъ нанесенъ сильный ударъ. Кругомъ — бездна горя. Потерпѣли крушеніе многія иллюзіи, попораны идеалы, убита вѣра въ будущее.

Принято говорить, что страна, давшая міру Пушкина, Менделѣева, Сѣрова и Римскаго-Корсакова, не погибнетъ и не можетъ погибнуть. Въ странѣ, таящей въ себѣ такія культурныя возможности, заключаются творческія силы, достаточныя для преодоленія всѣхъ напастей и всѣхъ послѣдствій самаго мрачнаго лихолѣтія. Россія слишкомъ молода и органически здорова, слишкомъ мощна и сильна, чтобы не выдержать всѣхъ выпавшихъ уже ей на долю и предстоящихъ еще испытаній. У Россіи «особенная статья», ее «нельзя умомъ понять», въ Россію «можно только вѣрить».

Каковы же источники этой вѣры? Каковы источники подобнаго оптимизма?

У Тургенева въ дни сомнѣній, въ дни тягостныхъ раздумій о судьбахъ родины являлся поддержкой и опорой великій, могучій, правдивый и свободный русскій языкъ. Дивныя богатства, красоты и многообразіе глубокаго и широкаго русскаго языка отнюдь не уменьшились со временъ И. С. Тургенева. Правда, на русскомъ языкѣ особенно громко раздались злые братоубійственныя призывы, на русскомъ языкѣ формулировались кровавые лозунги гражданской войны, звѣриной злобы, человѣконенавистничества. Но на русскомъ же языкѣ не разъ уже раздавалась пѣснь торжествующей любви къ человѣчеству, не разъ формулировались чувства безпредѣльной преданности родной странѣ и міровому прогрессу, не разъ излагалось уваженіе къ истинной свободѣ, наукѣ, труду. Большевиизмъ засорилъ и испачкалъ великій, могучій и свободный русскій языкъ, но онъ не исказилъ его красоту, не затмилъ его величія, не убилъ его свободаго разбѣга! По прежнему «нельзя вѣрить, чтобы такой языкъ не былъ данъ великому народу».

Нѣтъ того прозорливца, который могъ бы въ точности опредѣлить сейчасъ пути духовно-культурнаго развитія русскаго народа. Но вѣхи уже намѣчены, контуры начинаютъ выясняться. Оставляя болѣе отдаленное прошлое — Россію Тургенева, Милютина, декабристовъ, — пойдемъ въ прош-

ломъ, болѣе близкомъ нынѣшнимъ поколѣніямъ, тѣни, которыя могли бы дать ключъ къ опредѣленію вѣроятныхъ и желательныхъ этаповъ будущей жизни и силуэтовъ будущихъ кузнецовъ новой жизни. Изъ длинной вереницы дѣятелей, мыслителей, художниковъ, борцовъ, изъ сокровищницъ національнаго творчества первыхъ двухъ десятилѣтій настоящаго столѣтія, какъ намъ рисуется, выдѣляются три имени, три тѣни людей, уже ушедшихъ отъ насъ, но оставившихъ о себѣ чеканный образъ и вѣчную память: А. П. Чехова, С. А. Муромцева и Л. Г. Корнилова. Эти имена — символы, эти люди вчерашняго дня своей творческой ролью и духовной сущностью какъ бы связываютъ отошедшее съ грядущимъ, являясь какъ бы путеводными звѣздами въ темную ночь безвременья и распутицы. Всѣ они прошли метеорами по русскому небосклону, но оставили свой слѣдъ, явивъ образцы національнаго типа, ради котораго стоитъ жить и ждать. Такіе всѣ трое разные въ разныхъ сферахъ и одновременно дѣйствовавшіе, А. П. Чеховъ, С. А. Муромцевъ и Л. Г. Корниловъ — не дожили до дня, когда ихъ идеалы были бы, если не осуществлены, то начаты осуществленіемъ. Но сѣмена, брошенные ими, врядъ ли погибли, они сохранились въ русской почвѣ и, если воть уже нѣсколько лѣтъ на даютъ всходовъ, то, повидимому, тѣмъ болѣе обильной будетъ первая жатва, которая рано или поздно, но неминуемо придетъ.

А. П. Чеховъ... Безконечно-правдивый и безконечно-мягкій поэтъ переходной эпохи. Сколько ласковости въ его сатирѣ, сколько любви къ родному народу въ его произведеніяхъ... Вдумчивый и зоркій глазъ писателя правильно учитываетъ удѣльный вѣсъ низовъ народа и его интеллигентскихъ верховъ. Безъ прикрасъ рисуется Чеховъ русскую жизнь, такую сѣрую и темную, такую мрачную и безрадостную. Но, поэтъ «лишнихъ людей» и «людей въ футлярахъ» вѣритъ, что «мы отдохнемъ», вѣритъ, что мы «увидимъ небо въ алмазахъ». Онъ не осуждаетъ и не бичуетъ, но не щадитъ и не скрываетъ правды, онъ — понимаетъ и любитъ свой народъ и свою страну — и желаетъ имъ добра и счастья. Его завѣтъ — у мѣтъ хотѣть, ему рисуется, что воспитаніе воли русскаго человѣка въ реалистическомъ направленіи — основная и насущная задача. На своей палитрѣ Чеховъ находитъ краски, достаточныя для обрисовки жизни и чаяній всѣхъ слоевъ населенія Россіи. Чеховскіе образы проходятъ сквозь призму его любвеобильной души, многогранной и много выстрадавшей. А. П. Чехову ничто не чуждо въ стремленіяхъ родного народа и его интеллигенціи, ему близки народныя страданія — ибо изъ нѣдръ народа онъ вышелъ, — ему близки и горести интеллигенціи, ибо онъ среди нея живетъ, съ

нею кровно связанъ. Чеховъ отнюдь не сантименталенъ, но въ немъ таится какой-то неизсякаемый источникъ животворящей любви къ человѣку, къ русскому человѣку. Чеховъ сумѣлъ влить свое, новое, содержаніе въ старое «понять — простить», въ его душѣ любовь къ брату по крови пріобрѣтаетъ особый характеръ, если можно такъ выразиться, лирической сатиры. Чеховъ чуждъ народническаго розоваго идеализма, онъ — чистый реалистъ, но онъ, зная недостатки русскаго человѣка и постоянно указывая на нихъ, продолжаетъ любить своихъ соотечественниковъ, любить съ тѣмъ большей силой, чѣмъ больше кругомъ горя, тьмы и зла. Говоря въ глаза правду, Чеховъ никогда не морализируетъ, онъ беретъ жизнь, какъ она есть, старается, по-человѣчеству, выяснитъ причину темныхъ явленій и сторонъ жизни и показать, что она можетъ быть болѣе свѣтлой, чистой и лучезарной. Чеховъ вѣрилъ, что придетъ для Россіи и лучшая пора, что не вѣчно же русскому человѣку томиться и ждать въ сумерки солнечнаго луча. Нарочито-гражданской тенденціи нѣтъ въ чеховскихъ произведеніяхъ, онъ даже внѣшне-индифферентенъ къ явленіямъ общественно-политической жизни, но, съ тѣмъ большей силой, въ каждой строкѣ, написанной Чеховымъ, чувствуется биеіе сердца гражданина. Это сочетаніе крѣпкой гражданственности съ морально-философской проповѣдью любви къ человѣку, можетъ быть, и таитъ въ себѣ разъясненіе обаянія чеховскаго творчества и чеховской личности. Чуждый мягкотѣлости и дряблости, Чеховъ, все же, — нашъ всеобщій братъ и другъ, братъ-наставникъ, другъ-гражданинъ. Въ Чеховѣ все, при этомъ, почвенно, все — связано крѣпкими нитями съ основами русской жизни, все — спаяно съ сущностью духовнаго существованія русскаго человѣка. Незлобиво и тщательно Чеховъ освѣтилъ всѣ уголки русскаго быта, въ мягкихъ тонахъ показалъ намъ всѣ уродства и всѣ отрицательныя стороны этого быта, но самъ бытописатель не потерялъ при этомъ своего оптимизма, своей вѣры въ болѣе свѣтлое будущее горячо и умно любимой родины.

С. А. Муромцевъ . . . Стойкій и упорный посадитель гражданственности въ Россіи. Несмотря на внѣшне-суровый обликъ, — нѣжный рыцарь свободы для своего народа. Фигура этого рыцаря, словно изъ чугуна выкованная, даетъ рядъ образцовъ борьбы за свои гражданскіе идеалы. С. А. Муромцевъ, и съ профессорской кафедры, и съ высокой трибуны председателя перваго русскаго народнаго представительства, и съ адвокатскаго пюпитра звалъ и наставлялъ всегда въ одпомъ и томъ же направленіи — дѣйствительнаго преклоненія передъ велѣніями права и закона. Человѣкъ высокой правовой культуры, С. А. Муромцевъ всю свою жизнь отдалъ борьбѣ

за идею народного суверенитета и народного представительства, за осуществление этой идеи.

Никогда не забуду лично слышанныхъ словъ С. А. Муромцева, который передъ самымъ созывомъ первой Государственной Думы убѣжденно и вѣско звалъ къ осуществленію свободы и порядка, въ противовѣсъ стремленію крайне-правыхъ къ порядку помимо свободы, а такъ же стремленію крайне-лѣвыхъ къ свободѣ помимо порядка. Когда С. А. Муромцевъ звалъ къ насажденію свободы и порядка, въ его устахъ эта свобода была чужда произвола, насилья и посягательствъ на чужую личность, равно какъ и порядокъ понимался не какъ кладбищенская тишина, а какъ живой и дѣйственный порядокъ.

Это правотворчество составляло какъ бы вторую натуру С. А. Муромцева. Съ какимъ достоинствомъ предсѣдательствовалъ онъ въ первой Госуд. Думѣ, какъ величаво защищалъ онъ права и prerogatives народного представительства! Казалось, что всѣмъ своимъ обликомъ С. А. Муромцевъ рожденъ для руководства органомъ народного представительства. Этому руководству онъ отдалъ всѣ свои знанія, весь свой опытъ и чутье. Россіи такъ недоставало конституціоннаго воспитанія и С. А. Муромцевъ едва ли не всю свою трудовую жизнь посвятилъ именно этому внѣдренію конституціонныхъ идей. Борьба за конституцію велась Муромцевымъ до созыва первой Думы, въ самой Думѣ и послѣ ея роспуска. Многообразная законодательная дѣятельность I-ой Думы точно также многимъ обязана правовому опыту и знаніямъ С. А. Муромцева. Насильственное прекращеніе работъ «Думы народного гнѣва» побудило ея предсѣдателя на всѣ доступные способы протеста и борьбы за ея существованіе. Принципъ пассивнаго сопротивленія насильственному акту роспуска народного представительства, проведенный въ Выборгскомъ воззваніи, что бы тамъ ни говорили, преисполненъ стремленія до конца бороться за право.

Борьба за право — основная стихія С. А. Муромцева. Право въ его представленіи не было отвлеченной догмой, оно неизмѣнно отстаивалось С. А., какъ живое воплощеніе народныхъ требованій, какъ равнодѣйствующая народныхъ интересовъ. Эта борьба за право мыслилась С. А. Муромцевымъ, какъ борьба въ органѣ народного представительства, облеченномъ широкими законодательными функціями. Закономѣрность и законопослушаніе насаждались Муромцевымъ со всею силой его убѣжденности и авторитета.

Мнѣ привелось видѣть могилу С. А. въ Донскомъ монастырѣ въ Москвѣ года за два до революціи, глубоко занесенной снѣгомъ, безъ памятника, котораго власти не разрѣшили

поставить. Эта могила первого русскаго спикера, покрытая густымъ слоемъ снѣга, въ ту пору глухой реакціи, была символомъ. Такимъ же символомъ является та же могила въ большевистскіе дни, когда вокругъ нея выросли высокія заросли бурьяна. Но русскому народу слишкомъ нужна правовая школа и усвоеніе началъ народнаго представительства, чтобы къ этой могилѣ не направлялось въ новой Россіи народное паломничество. Имя С. А. Муромцева — символъ вдохновенной и проникновенной борьбы за право народа на самоуправленіе и на изданіе законовъ черезъ посредство свободно избранныхъ представителей.

Л. Г. Корниловъ... Человѣкъ порыва, нутренней свободолубецъ. Исторія его бѣгства — сперва изъ австрійскаго плѣна, а потомъ изъ большевистской тюрьмы — необычайно характерна для обрисовки духовнаго облика покойнаго вождя русской арміи. Л. Г. Корниловъ не принадлежалъ къ числу людей, пассивно склоняющихъ голову передъ неволей и насиліемъ. Для Корнилова свобода не являлась чѣмъ-то отвлеченнымъ, онъ органически не могъ сносить гнета надъ собою и надъ другими. Корниловъ умѣлъ хотѣть, у него была закалена сила воли, онъ не довольствовался словесными формулами, переходя къ дѣйствіямъ, можетъ быть, даже слишкомъ порывисто. Свободолубіе Корнилова ясно проявилось въ сферѣ политической. Не будучи опытнымъ политикомъ, онъ тяготѣлъ къ умѣренно-лѣвому и демократическому лагерю. Къ этому лагерю Л. Г. Корнилова толкали его демократическія традиціи и происхожденіе, жившій въ немъ вольно-казацкій духъ. Л. Г. Корниловъ безъ всякой тѣни лицемерія, искренно и полно воспріялъ революцію, присоединился къ ней и отстаивалъ ея первоначальный духъ. Когда стали имъ формироваться первые добровольческіе отряды, на его кличъ сходились люди, близкіе ему по духу и убѣжденіямъ. Въ борьбѣ съ большевизмомъ Л. Г. Корниловымъ были положены въ основу освободительныя начала. Объективно нельзя не признать того, что въ Добровольческой Арміи временъ Л. Г. Корнилова вѣялъ республиканскій духъ, были крѣпки революціонныя традиціи. Въ увлеченіи своей борьбой съ Корниловымъ, Керенскій и Некрасовъ дошли до того, что не постѣснялись назвать его измѣнникомъ родины и революціи. Въ то же время, правовѣрные монархисты впоследствии неоднократно отрекались отъ Корнилова, ставя ему въ вину взятіе на себя порученія Временнаго Правительства объ объявленіи императрицѣ Александрѣ Феодоровнѣ о лишеніи ея свободы, а также — традиціи, установленныя Корниловымъ въ Добровольческой арміи первой формациі. Въ показаніяхъ своихъ слѣдственной комиссіи ген. Корниловъ заявилъ буквально слѣдую-

щее: «я заявляю, что никогда не буду поддерживать ни одной политической комбинаціи, которая имѣетъ цѣлью возстановленіе дома Романовыхъ, считая, что эта династія, въ лицѣ послѣднихъ его представителей, сыграла роковую роль въ жизни страны». Послѣ подобнаго рода заявленій, не приходится особенно удивляться тому, что имя Корнилова вызываетъ часто скрежетъ зубовой у непримиримыхъ воздыхателей по старому режиму. Органъ берлинскихъ монархистовъ «Двуглавый Орелъ» такъ и именовалъ Корнилова «клятвопреступникомъ и мятежникомъ».

Не имѣя спеціально политической подготовки, Л. Г. Корниловъ силою вещей былъ вовлеченъ въ водоворотъ политической борьбы. Въ этомъ водоворотѣ Л. Г. проявилъ раньше всего всю свою дѣйственную любовь къ Россіи, свое глубокое пониманіе необходимости охраненія россійской государственности. Не хватало порою опыта и политической выдержки, но чутье толкало на патріотическія дѣйствія и истинно-государственную борьбу. Обладая большою личной смѣлостью и рѣшительностью, проникнутый духомъ жертвенности и дисциплины, Л. Г. Корниловъ искренно хотѣлъ помочь Временному Правительству временъ Керенскаго положить конецъ разложению фронта и пресѣчь давленіе на центральную власть со стороны безотвѣтственныхъ анти-государственныхъ элементовъ. Въ отвѣтъ — раздались демагогическіе выкрики о контръ-революціи, хотя, на дѣлѣ, имѣлась попытка охраны завоеваній февральской революціи. Корниловымъ предпринимаются мѣры къ поддержанію въ арміи дисциплины, онъ пытается всячески воздѣйствовать на Керенскаго и его группу, его историческая рѣчь на государственномъ совѣщаніи явилась послѣднимъ предостереженіемъ, послѣ чего не могло не послѣдовать дѣйствія—попытки вооруженной рукой освободить Петроградъ отъ большевистскаго плѣненія. Попытка эта, недостаточно поддержанная и не во всемъ политически-планомѣрная, кончается неудачей, создается легенда о заговорѣ противъ революціи. Но основная бѣда Корнилова заключалась въ томъ, что онъ не только не имѣлъ достаточной политической подготовки, но и въ томъ, что его политическими совѣтчиками были люди, явно для того не подходящіе. Аладыны, Завойко и другіе политическіе приближенные Корнилова не только были безспорно заражены духомъ авантюризма и безпринципности, но и отнюдь не импонировали русскому обществу своимъ моральнымъ удѣльнымъ вѣсомъ. Событія въ Петроградѣ и, въ частности, въ средѣ Временнаго Правительства освѣщались въ ставкѣ верховнаго главнокомандующаго односторонне и однобоко, заглушевывалась борьба внутри Временнаго Правительства, опредѣленное тяготѣніе зна-

чительной группы его членовъ къ твердой государственной власти, которая повела бы беспощадную войну съ большевизмомъ. Въмѣсто того, чтобы опереться на эту группу членовъ Временнаго Правительства, ген. Корниловъ, подь вліяніемъ близорукихъ совѣтниковъ считалъ все правительство черновско-циммервальдѣйскимъ. На бѣду, и Вл. Львовъ, явившійся посредникомъ между Корниловымъ и Временнымъ Правительствомъ, — человекъ безъ задерживающихъ центровъ, не уравновѣшенный и сумбурный.

Неудачи не останавливаютъ Л. Г. Корнилова, онъ продолжаетъ побѣгать, но не ради личной безопасности и благоденствія, а ради продолженія борьбы съ растлителями государственнаго начала. Формируется первая по времени и по качеству анти-большевистская армія, предпринимается легендарный ледяной Кубанскій походъ. Корниловъ весь и всецѣло отдается своей новой арміи, найдя смерть во время боевыхъ дѣйствій противъ большевиковъ.

Дѣйственность, порывистость, глубоко-почвенный патриотизмъ, жертвенность, настоящая сыновняя любовь къ Россіи, преклоненіе не на словахъ, а на дѣлѣ — передъ русской государственностью, тяга къ крестьянской демократіи—таковы черты духовнаго облика Л. Г. Корнилова. Всѣ свои силы и всѣ свои помыслы этотъ вѣрный сынъ своей родины отдалъ своему народу. Во время войны съ Германіей и Австріей, въ теченіе перваго періода революціи и, затѣмъ, начальныхъ фазъ гражданской войны, Л. Г. Корниловъ рыцарски-вѣрно и безкорыстно служилъ Россіи. Въ служеніи этомъ проявлялось столько жертвеннаго подвига, столько неустаннаго горѣнія, столько непоколебимой вѣрности взятымъ на себя обязательствамъ, столько активно-проявляемаго стремленія посылить послужить Россіи... Безъ оглядки п долгихъ раздумій, безъ взвѣшиванія личныхъ опасностей и невзгодъ, безъ заботъ о своей карьерѣ, Л. Г. Корниловъ бросался въ омутъ борьбы, туда, куда его влекло чутье, чувство, склонности. Русскому народу, русскому крестьянину, русскому солдату отдалъ всю свою жизнь до конца воинъ-гражданинъ, воинъ-патріотъ и воинъ-демократъ Л. Г. Корниловъ.

А. П. Чеховъ, С. А. Муромцевъ, Л. Г. Корниловъ... писатель, парламентарій, воинъ... Что ихъ объединяетъ, что ихъ роднитъ и сближаетъ? Раньше всего, — подлинная и дѣйствительная любовь къ Россіи, вѣрность ея національнымъ идеаламъ. Чеховъ заповѣдалъ русскому человеку «умѣть хотѣть», возвыситься надъ фразеологіей, наперечъ силу воли, опредѣлить направленіе приложенія этой воли и активно затѣмъ вылить ее. Муромцевъ былъ вѣренъ этому завѣту, онъ всю силу своего ума направилъ на борьбу за водвореніе въ Россіи

конституціи, затѣмъ, за сохраненіе и развитіе народнаго представительства. Точно также и Корниловъ не на грезы о родинѣ отдалъ пылъ души своей, а въ борьбѣ за Россію проявилъ свое къ ней отношеніе.

Чеховъ въ своихъ произведеніяхъ бодро звалъ къ улучшенію жизни народовъ Россіи, вскрывалъ въ ней язвы и пороки. Муромцевъ конкретизировалъ эти призывы, облекъ ихъ въ правовую форму, влилъ въ нихъ политическое содержаніе. Корниловъ съ оружіемъ въ рукахъ пошелъ защищать честь и достоинство Россіи, свободу ея отъ рабства — сперва иноземнаго, нѣмецкаго, потомъ — партійнаго, большевистскаго. Но и Чеховъ, и Муромцевъ, и Корниловъ — всѣ трое были поборниками и борцами за свободную, демократическую государственность, за раскрыщеніе личности, противъ тираніи и насилія, откуда бы они ни исходили. Всѣ трое, каждый въ своей сферѣ, отдавались они выявленію національнаго самосознанія, развитію началъ демократіи и государственности. Для нихъ национальность, государство россійское, крестьянская демократія не были отвлеченостями, это было нѣчто, органически съ ними слившееся, продуманное и прочувствованное.

Освѣщая свѣтомъ своего ровнаго и мягкаго таланта всѣ уголки русской жизни, Чеховъ не скрывалъ своего несочувствія къ русской косности, лѣни, пьянству, пассивности, дряблости. Муромцевъ точно также не полагался на россійское «авось», не ждалъ, что переменны и улучшения придутъ сами собою, но активно готовялъ проникновеніе во всѣ отрасли жизни и быта началъ права и законности. Съ своей стороны и Корниловъ пассивно не склонилъ головы передъ шкваломъ развала и распада, подставляя грудь противъ его стихійныхъ дуновеній. Одухотворенное созиданіе художественныхъ цѣнностей Чеховымъ, упорная борьба за право Муромцева, рыцарская защита Корниловымъ русской государственной чести — были руководимы тѣми же идеалами свободы, труда и порядка. Въ сумерки 90-хъ годовъ Чеховъ дарилъ насъ художественными картинами россійскаго томленія по сдвигу, по переменамъ; въ бурную эпоху 1904—1905—1906 г. Муромцевъ выковывалъ основныя свая правового строя и народовластія; 1917—1918 г. г. Корниловъ фактически защищалъ русскую революцію отъ посягательствъ со стороны враговъ свободы и порядка. Въ этой исторической послѣдовательности заключается нѣчто символическое, въ этой единой цѣпи развитія русской гражданственности — отъ Чехова къ Корнилову черезъ Муромцева — отдѣльными звеньями являются упорный трудъ, упорная борьба за торжество трудового принципа, упорное стремленіе къ личному самосовершенствованію

всѣхъ русскихъ гражданъ — подъ стягомъ нравственно-духовнаго прогресса, трудовой демократіи и гражданскихъ свободъ.

Но Чехова, Муромцева и Корнилова нѣтъ среди насъ, они преждевременно умерли, оставивъ Россію осиротѣвшей. Но дѣло ихъ не забыто, завѣты ихъ живы, наказъ оставленъ ими опредѣленный. Въ этихъ завѣтахъ и наказѣ нѣтъ ничего расплывчатаго, все конкретно и ясно. Намѣчена цѣль, вѣхи, пути, способы достиженія цѣли. Все это — и въ этомъ заключается сила — не проникнуто исключительно специфически-интеллигентскими воззрѣніями, но близко по духу широкимъ массамъ населенія. Справедливость требуетъ, чтобы многомилліонная крестьянская демократія могла свободно жить и развиваться, пользуясь знаніями преданной ей интеллигенціи. Въ этой коопераціи силъ крестьянства и интеллигенціи, деревни и города — единственное спасеніе Россіи. Изъ этого сотрудничества рукъ и мозга національнаго тѣла Россіи получится здоровая, крѣпкая государственность и гражданственность. Народное представительство, трудовая мораль и гражданскія свободы будутъ ея естественнымъ фундаментомъ.

... Народъ, выдвинувшій изъ своихъ рядовъ Чехова, Муромцева и Корнилова, народъ, числящій въ своихъ рядахъ многочисленныхъ поклонниковъ, учениковъ, сторонниковъ и послѣдователей Чехова, Муромцева и Корнилова — не можетъ не имѣть будущаго, богатаго творческими возможностями. Оба вида самодержавія глушили молодые побѣги, созидательныя и творческія силы русскаго народа были долгіе годы скованы опекой стараго режима, ихъ развитіе искажено навъими чарами большевизма. Пора раскрѣпощенія будетъ и порою интенсивнаго развитія культуры, общественности и государственности.

III

Ось русской жизни.

Если и до революціи 1917 г. считался публицистическимъ трюизмомъ тезисъ о томъ, что земельный вопросъ является основной осью, вокругъ которой движется русская жизнь, то со времени и во время революціи положеніе это стало трафаретомъ не только въ публицистикѣ, но и въ обычныхъ обывательскихъ разговорахъ и толкахъ.

Революція дала обывателю рядъ уроковъ предметнаго обученія въ области различныхъ отраслей знанія. Съ наглядной очевидностью стали выясняться отдѣльныя явленія и